

"Будь всегда (СИ)"

**Читайте больше БЕСПЛАТНОЙ литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org**

Комментарий к Пролог

Под [...] закрыты сцены, в которых подросток 14+ проявляет некий сексуальный интерес (без взаимности). Никакого секса! Убрана в соответствии с ст. 242.1 УК РФ. Ссылка на текст целиком в шапке.

Слава Волков не терпел бардака. Отбой на тихий час отдудел по лагерю уже полчаса как, а в крыле у мальчишек что-то немилосердно гроыхало. Он прислушался, подождал с минуту — может угомонятся, но увы. Даже в этот несчастный условно-тихий час он не мог перевести дух. Слава глянул на недорезанный цветок для стенгазеты, раздражённо отложил ножницы, вышел из вожатской и пошагал на шум, пресекать.

Из туалета доносились хихиканья и повизгивания. Слава по-шпионски просочился в дверную щель, оглядел санплощадь. В углу рядом со швабрами наблюдалась повышенная концентрация пионеров. В трусах и сандалиях. Двое. Нет, трое. Он попытался определить суть действия, но картина никак не складывалась. Парочка охломонов зажимали третьего в гремящие вёдра, возбуждённо регоча от какой-то своей идиотской забавы. Жертва постанывала, словно щенок, которому чешут за ухом. Все нарушители были так увлечены, что на скупое Славино «кхе-кхе» ушами не повели. Вожатый упёр руки в боки, намеренно громко шибанул дверь ногой и гаркнул, растягивая «р»:

— Пер-рвый отр-р-реа-ад!

Драматично загремели швабры. Двое «зажимающих» разлетелись из угла, как сорвавшиеся резинки с рогатки и разными зигзагами, но таки добрались до выхода. Один проскользил по луже рядом с раковиной неуклюжим арабеском, но устоял на ногах. Слава проводил отступающих тяжёлым взглядом. Шалопай удрали, бросив третьего в вёдрах. Тот скукожился носом в угол, ласково прижимаясь к огнетушителю.

— Патрикеев, — этого рыжика и со спины узнаешь. — Ты чего там? Плохо тебе, Миш?

Вот только ещё травм не хватало в его смену! Слава моментально подобрался, стало не до подколов. Подошёл в два шага, тронул за плечо, пытаюсь развернуть.

— А ну...

Патрикеев повернул голову, и стало неожиданно тихо, лишь за открытым окном зашелестела мелкими листочками берёза. Блик от гуляющей форточки прошёлся по выразительному курносому лицу, погладил мелкие веснушки, позолотил гладкую чёлку и побежал за спину скакать по белому кафелю. Миша медленно распахнул глаза, и Слава запнулся на полуслове. Что-то было категорически не так. Таких лиц, таких глаз у пионеров не бывает! Тот был чумной, разморённый, дышал глубоко, но спокойно, как во сне. Его рот с зализанными покрасневшими губами округло приоткрылся, взгляд жёлто-зеленых глазищ пьяно плыл. Он свёл рыжеватые брови домиком, будто просил о чём-то. Слава совсем растерялся, по инерции подался вперёд, ближе к его лицу, словно хотел расслышать немой вопрос. Он задержал дыхание на вдохе, машинально подхватывая горемыку под локоть. Прищурился, стремясь уловить, какого лешего происходит с рыжим чудиком. Секунды тянулись, в голове наконец начали выстреливать первые версии. Может, эти паршивцы выпили чего или сожрали. Не дай бог отравление!

— Миша, что с тобой? — тревожным шёпотом спросил Слава.

[...]

— Ой.

Ой?! Слава наконец вдохнул, будто ему горло отпустили, и заиграл желваками. Ой?! Пока он подбирал цензурные слова для полемики, паршивец бочком поплыл к двери, словно по транспортёрной ленте. Всё время своего отступления он смотрел на Славу печально. Будто тот Мишу вконец расстроил своим поведением. Берёза за окном зашумела пуще прежнего, пичуги на её ветке скандально заверещали, словно обсуждали только что увиденное. Слава поводит глазами по белому кафелю, на автомате поднял уроненную швабру.

Мысли массово покинули голову, было даже трудно сообразить, сколько он уже тут стоит, остервенело замывая белёсые разводы на шортах. Когда над лагерем затрубил подъём, Слава очнулся и поспешил в вожатскую. Он намеревался сегодня же выяснить, какого чёрта это было. Ведь Слава Волков не терпел бардака.

По иронии судьбы два главных дебошира первого отряда носили фамилии Сорокин и Воронин. По наблюдению Славы, оба спелись ещё в автобусе по дороге в лагерь и сразу организовали террористическую ячейку. Все самые дерзкие проказы были на совести этих боевиков. Однако их выдумки хватало не только на диверсии, но и на сокрытие следов. Хотя Слава и знал почти наверняка, чьими стараниями Ленин, Маркс и Энгельс на барельефе обзавелись масками Зорро, доказательств у него не было. Именно эти проныры колобродили с Патрикеевым в туалете накануне, и Слава намеревался вытрясти из них какого, собственно, рожна.

Парочка, как их называли, «орлят» вырулила из-за здания клуба и, узрев Славу, начала забирать правее, ближе к кустам. Тот загородил им путь и ехидно улыбнулся. Судя по тому, что те старались держать дистанцию и дышать мимо - только что смолили.

— Друзья, прекрасен ваш союз, — угрожающе-лирично начал Слава и выразительно помахал ладонью перед носом, намекая на запах табака.

«Друзья» покосились друг на друга, видимо, обмениваясь планами побега с помощью мысли. Слава с полминуты понагнетал молчанием и перешёл к допросу.

— Что за дела с Патрикеевым творятся в наших туалетах? — и посмотрел обвиняюще.

Расчёт оказался верным: бойцы тут же поспешили сдать соотрядника, дабы отвлечь внимание от своих преступлений.

— А он дурной, — начал Сорокин, а Воронин закивал. — Если его барахтать, он млеет.

И оба заржали, запаясничали, видимо, изображая лицом млеющего Патрикеева. Слава уточнил:

— Барахтать?

— Ну, когда его трогаешь, щекочешь там, или просто борешься, он сразу раз — и того...

— И того, — подтвердил Воронин.

— И того? — уточнил Слава.

Воронин хорохорился, хотя было видно, что засмутился. А вот Сорокин выразительно изобразил рукой стоящий орган — он не смущался вовсе. Слава укоризненно покачал головой на бесстыжего Сорокина и кивнул обоим «проваливайте», крикнув вдогонку:

— Патрикеева больше не... барахтать!

Парочка исчезла моментом, только акация покачала жёлтыми цветочками.

Слава пошагал в корпус. Ситуация вырисовывалась более-менее понятная, но дикая. Ласковый домашний Миша Патрикеев, видимо, оказался излишне чувствителен к прикосновениям. Как уж эти придурки прочухали его особенность - неизвестно, но, похоже, третировали бедолагу, когда была такая возможность, за милую душу. Слава сел на лавочку в тени, покосился на статую «голосующего» Ильича. Чем больше он думал о ситуации, тем больше раздражения она у него вызывала. Не отряд, а какой-то склад боеприпасов — только сиди и прислушивайся, где рванёт. И что делать с этой собачьей свадьбой и рыжелисым маньяком? Горн к ужину взбудоражил разморённых вечерним зноем гуляющих, и Слава поспешил к своему корпусу. Оставалась надежда, что озабоченный Патрикеев поостережётся стихийных обтираний о других пионеров и даст Славе спокойно доработать смену.

Наблюдая за своим нетрадиционным пионером всю следующую неделю, Слава смекнул, как выяснилась Мишина «особенность». Похоже, его действительно невозможно было не трогать. То он умилительно следил за бабочками, словно сонный котёнок, то гваздался в десерте в столовке, вызывая у окружающих ласковые улыбки. На вечерней дискотеке стеснительно махал ручками, призывая «нажать на кнопку, получить результат». Вкупе с нежнейшим цветом волос и круглостью щёк он был просто программой по активации мацальщиков всего лагеря. Его тискали девочки-вожатые, пионерки всех отрядов, и даже суровый повар Семён гладил Мишу по голове на ужине. Каждый раз, когда кто-то тянулся руками к Патрикееву, Слава замирал, будто сапёр, услышавший сорванную растяжку на минном поле. Но тот, похоже, был устроен сложнее, чем описывали «орлята». По крайней мере, инцидентов на публике не происходило. Слава по инерции приглядывал за Патрикеевым, даже таскался на пионербол и покрикивал на разошедшихся ребят, чтобы «поаккуратнее там», когда кто-нибудь из игроков излишне прижимался к Мише. При приближении к нему других мальчишек Слава тут же находил всем занятия под своим присмотром. То припахивал архаровцев рыхлить клумбы перед столовой, то подметать спортивную коробку, то красить ржавые футбольные ворота в поле. Патрикеев крутился рядом, застенчиво опуская глазки. Он сосредоточенно ковырялся грабельками в анютиных глазках, возюкал лысой кисточкой по кособоким воротам и молчал. Когда остальные ребята отдалялись, пытаясь слинять с вожатских глаз долой, тишина между Славой и Патрикеевым становилась напрягающей. Славу почему-то нервировало это молчание чрезвычайно. Он старался что-то говорить, но получалось, что он проговаривает все свои действия, словно на радиопередаче.

— Так, сейчас я возьму вон тот шланг, и польём клумбу справа. Где у нас тут вентиль? Что ж так закрутили-то...

Миша меланхолично поднимал брови, скользил по Славе смущённым взглядом и

прочувствованно вздыхал. От этих взглядов Волков начинал чесаться и каждый раз говорил себе, что эти совместные субботники надо прекращать, но на следующий день снова тащил безотказного Патрикеева на новые свершения. Ввиду отсутствия рецидивов, ещё через неделю Слава совсем отвлекся от чувствительного подопечного и окунулся в лагерную рутину.

...А ведь ещё накануне вечером он решил, что напридумывал себе про Патрикеева и раздул из мухи слона. Последнюю пару дней все возбуждённо готовились к прощальному костру. Август как-то неожиданно перевалил за середину, и учебный год замаячил перед загорелыми мордашками учащихся со скорбной очевидностью. Первый отряд шушукался про традиционную встречу рассвета, и в девчачьей стороне корпуса началась косметико-парикмахерская мобилизация. В ход шли карандаши «Живопись» и «Искусство» авангардных расцветок, и Славу эта суета очень воодушевляла. Объединившись с мужской частью второго отряда, они натаскали на поле деревянных кольев, повтыкали по кругу, склонили их к центру, соорудив классический вигвам. Конечно, приладив последний кол, сообразили, что забыли наложить поленьев в центр кострища, и работа пошла по второму кругу. Патрикеев поначалу пытался подсобить, мелькая между ребятами в своей тёмно-зелёной панамке, но быстро умаялся и упылил к корпусам. В суете и предвкушении, которым жил весь лагерь вечером, Слава и думать забыл про своего эротомана.

Костёр выбрасывал в чёрное небо столбы искр, и, будь Слава писателем, он разглядел бы в этом образ эдакого энергетического фонтана, что бил сейчас из центра поляны. Здесь не было ни одного равнодушного или грустного человека: дети, вожатые, сотрудники лагеря были взбудоражены, смеялись, пели под гитару, шутили и клялись друг другу в вечной дружбе, обещали встретиться здесь же на следующий год, обещали держать связь. Ребята жарили чёрный хлеб на огне, надувались «Тархуном» и «Дюшесом». Даже «Орлята» вопреки своей военной доктрине не взорвали ЛЭП, например, и вообще воздержались от диверсий. Начиная с младших отрядов, пионеров поочерёдно начали отправлять в корпуса. Славу ожидаемо атаковали девчонки из его первого отряда. В прошлом году была такая же история. Неожиданно смуглый и скуластый для своих светлых глаз и волос, Слава уже привык к тому, что ждут от него чего-то эдакого, под стать экзотической внешности. А ничего эдакого простой парень Слава предложить не мог, да и не пытался.

Над полем звучали клятвы, что все встанут на встречу рассвета в полчетвёртого, но ещё в прошлом году замначальника лагеря доверительно шепнула Славе, что на деле проснутся и придут человека 2-3 с каждого отряда. Слава обречённо подумал, что с его отряда впереди всех встречающих помчатся его «птичьи» бандиты.

Ребята укладывались с трудом, мальчишки то и дело забегали на девчачью сторону, заглядывая в палаты под восторженный визг оных. После серии коротких подушечных боёв, Слава гаркнул со своего судейского места в холле и пригрозил оставить нарушителей без «рассвета». Пошарашившись по туалетам, мелочь наконец улеглась под одиннадцатичасовой прощальный горн на отбой.

Слава открыл глаза, будто и не спал вовсе. За долю секунды оценил ситуацию: в спальне совсем темно и тихо, значит будильник молчал. Он как зверь дёрнул голову в сторону неясного движения, прошептал на выдохе:

— Что?..

Даже в темноте он сразу узнал Патрикеева. Тот шагнул к его кровати, в одних белых плавках, шмыгнув носом. Слава рывком сел, спуская ноги на пол.

— Миша, что случилось?

Патрикеев согнулся, будто у него болел живот и начал заваливаться вперёд. Слава похолодел. Так в детективных книгах падают жертвы убийств на виду у случайных свидетелей. Он подскочил к загибающемуся и, подхватив под грудь, поволок к своей кровати.

— Отравился?! Ударился?! Миша! Где болит?!

Слава «кричал» шёпотом, сработал выработанный за практику вожатым автомат «не разбуди». А Патрикеев последовательно вёл бедного вожатого к обмороку. словно в фильмах про изгнание дьяволов, он выгнулся на кровати, откинув голову назад и тихонько, но жутко завыл. Славе показалось, что от ужаса у него не только сердце выпрыгнет, но вся душа целиком. Страх накрутился удушливым шарфом на шею, ему показалось, что ещё пара минут и Патрикеев скончается здесь, прямо на этой кровати. Он дёрнулся к двери, чтобы позвать на помощь, разбудить вторую вожатую Таню, когда Миша вдруг простонал:

— Нога...

Слава прыгнул обратно к кровати, нагнулся над бесноватым, чуть ли не приложив ухо к его губам, чтобы было лучше слышно.

— Что, Мишенька? Что?

Патрикеев цапнул Славу за руку и тут же приложил её к своей ноге ниже колена. Слава машинально зашарил по икре ладонью, в поисках раны, или торчащего гвоздя, или хоть чего-нибудь, что объяснило бы Мишины кульбиты.

— Сводит, — проскулил Патрикеев и следом замычал.

Одновременно с этим Слава почувствовал, как икра под его рукой превратилась в камень. Миша кряхтел, пытаясь вдохнуть, было очевидно, что ему без дураков больно. Он сжал в кулаках простыню, попытался уткнуться носом в подушку, будто спрятаться. Слава прикрыл глаза, вспоминая уроки первой помощи.

— Судорога? Миша, у тебя судорога? Только эта нога?

Значит - укол, растяжка, массаж... Он хлопнул по кнопке включателя лампы на тумбочке. Схватил шариковую ручку и резко кольнул наконечником стержня в середину икры. Патрикеев ойкнул, но выгибаться не перестал.

— Нет? — переспросил Слава и отшвырнул ручку на пол, глядя, как Миша замотал головой, морщась пуще прежнего.

Схватив обеими руками бледную ступню, Слава мягко потянул её за пальцы к колену, пытаясь выпрямить напрягшуюся мышцу. Патрикеев заклокотал в подушку, ударил кулаком о матрац.

— Я знаю, знаю, — запричитал Слава. — Потерпи, Миш, должно отпустить. Сейчас...

Подвывания подопечного проходили по нервам наждаком, Славе было жалко мальчика до слёз. Как врачи зубы детям лечат?! Он бы рыдал рядом с бормашиной... Миша вдруг тяжело

выдохнул и выпустил из кулака замурзанную простыню. Придерживая его одной рукой за пальцы ног, Слава провёл по икре и мысленно возликовал, почувствовав мягкие, расслабленные мышцы.

— В порядке, Миш? Прошло? — он аккуратно сжал мышцы, перебирая пальцами по коже.

Массаж должен был разогнать кровь, успокоить мышцу после такого спазма. Слава не особо любил кого-то трогать, но сейчас от радости, что Миша не скончался у него в вожатской спальне, был готов массировать того до комсомола. Он уселся на кровать, уложив ногу-истеричку себе на колени. Миша смотрел на свою коварную конечность, блестя мокрыми щеками в тусклом свете лампочки.

— Ты на холодной земле сидел, что ли, балда? — миролюбиво спросил Слава, пощипывая и поглаживая, словно играя на гусях импровизированную джаз-зарисовку.

Миша пожал плечами, отвёл глаза на тёмное окно над кроватью. Было видно, что ему хочется пожаловаться и может ещё всплакнуть напоследок, но стыдно. Он сжимал губы в полоску, хмурился и сопел. А Славу наконец совсем попустило. Он только сейчас понял, как испугался. От отходняка тянуло похихикать, но он сдерживался, опустив голову. Оба затихли. Он ритмично мял чужую икру, перепрыгивая с одной мысли на другую. Думал обо всём и ни о чём, в голове всплывали то предстоящий сентябрьский выезд на картошку, то зимняя поездка на Медео. Слава откинулся назад к стенке, упёрся затылком в подоконник, прикрыл глаза, продолжая поглаживать разогретую тощую ножку. Миша ровно посапывал, утонув головой в подушке, и от этого тихого сопения Славу тянуло в тёмную мягкую дрему. Мысли стали совсем отрывочными, голова накренилась к плечу.

Почему-то было щекотно и горячо где-то около уха. Вокруг струился неуловимо родной тёплый запах, и было уютно и хорошо, словно у бабушки на любимой веранде в солнечный полдень. Слава глубоко вдохнул, потянулся. Рядом завозилось тёплое туловище, притираясь и укладываясь поудобнее, прижимаясь к Славе доверчиво. Лёгкая рука мягко погладила по груди и животу, словно успокаивая, уговаривая поспать ещё. Слава вяло выкарабкался из сна, пытаясь зацепиться хоть за одну мысль. Всё та же рука аккуратно, ненавязчиво скользнула ниже вдоль тела, почти невесомо задела утренний «подъём» между ног. Слава дёрнулся, машинально приподнимая бёдра. Дыхание в ухо стало более глубоким, сбоку в бедро упёрлось твёрдое.

Его вышвырнуло из сна за секунду. [...] Воодушевившись, словно Хома на петушиный крик рядом с Виём, Слава рванул хлипкое покрывало в разные стороны, порвав надвое. Вскочил, больно ударившись плечом о треклятый подоконник. Кровать была пуста, и в комнате Патрикеева уже не было.

...Слава дёргано передвигался по тесной вожатской спальне, кидая вещи в рюкзак. В голове стучало «бежать», сердце словно поделилось, как клетки бактерии, и одновременно отдавало куда-то в лопатки и в уши. Противно тряслись руки, футболки и шорты не желали складываться, а только комкались. Он глубоко вдохнул, закрыл глаза, заставляя себя успокоиться. Чувство роковой опасности никуда не ушло. Сейчас казалось, что весь мир оповещён о происшедшем, что его вот-вот поймают и линчуют. Слава обернулся на дверь, припёртую стулом. Если бы он так же забаррикадировался этой ночью раньше!

Он не повёл ребят на восход, заикаясь упрямил сонную Таню взять на себя и его “встречальщиков” и бросился собирать вещи. Его совершенно не волновало, что сказать начальнику лагеря, он твёрдо намеревался покинуть “Маяк” в течение ближайшего часа. Пусть выговор, пусть не оплатят, пусть исключают из института – всё это казалось полной ерундой на фоне того, что произошло между ним и четырнадцатилетним школьником в его постели. Слава сосредоточенно собирался, умышленно отгоняя от себя любые воспоминания, чтобы не впасть в повторную панику. Не сейчас. Может, потом, когда он доедет до Загорска, когда закроется на все замки, отключит телефон, отсидится. Затем надо уехать лет на десять в Удмуртскую АССР наёмным рабочим и по возможности сменить имя. Слава даже не пытался остановить построение бредовых планов в своей голове, всё лучше, чем грызть себя за такой жуткий провал. Покидав в сумку всё, что было на виду, он застегнул молнию, запихнул паспорт в задний карман шорт и практически бегом направился вон из корпуса. По дороге к “тайной” дыре в ограждении, от которой до остановки было ближе, Слава больше всего боялся встретить не заведующего, не других вожатых-воспитателей, а грёбаного Патрикеева. Теперь-то он знал, что скрывается за этой мультяшной внешностью. Ебанутый котёнок Гав. Славу передёрнуло от священного ужаса, и он нервно покрутил головой, оглядывая тёмные кусты рядом с оградой. Бросив прощальный взгляд на торчащего из сирени Ленина, указующего на столовку, Слава зачем-то пожелал ему «держаться» и скрылся между разогнутых железных прутьев.

Казалось, он ехал несколько дней: попутка, автобус, нервный сон на полустанке в ожидании электрички. В поезде народ что-то возбуждённо обсуждал, но Слава не вслушивался и не понял ни черта. Какие-то танки, захваты... Война, что ли, где-то? В кармане брякала мелочь, не хватало даже на автобус. Слава брёл пешком по пыльным улицам, глядя себе под ноги. Мысли начали собираться, а вот чувства так и были в раздразне. Сейчас, спустя несколько часов после побега, Слава поймал себя на том, что оправдывается перед самим собой. Будто виноват, будто знает за собой грешок, но изо всех сил от него отнекивается. От навязчивых мыслей и от давно поднявшегося солнца голову сжало тисками, Слава чувствовал, что если не глотнёт воды, то умрёт прямо на нагретом асфальте. Уже у подъезда вспомнил, что ключи от квартиры остались в тумбочке в вожатской. На ватных ногах он поднялся к соседу Лукичу за запасной связкой и заколошматил в дверь. Работающий телевизор было слышно с лестницы, диктор страшным голосом передавал сводки с каких-то не то боёв, не то уличных беспорядков. Лукич открыл дверь в не по-утреннему боевом настроении, азартно кивнул Славе, словно ждал.

— Лукич, дай ключи, я потерял, — просипел Слава, привалившись к холодному косяку.

Лукич, то и дело оглядываясь в комнату, видимо, на телевизор, снял связку с гвоздя на стене и протянул Славе. Схватив заветные ключи, тот обессиленно оттолкнулся от косяка и хотел было распрощаться, когда Лукич вдруг припечатал:

— Вот оно и кончилось, Слава, — и как-то по-бабьи горемычно покачал головой.

— Что кончилось-то, Лукич?

Слава нахмурился, непонимающе заморгал. Чувство какого-то надвигающегося рока отдавало мелодрамой, но тем не менее отделаться от него всё никак не выходило.

— Да всё кончилось, — махнул рукой Лукич и, не закрывая двери, устремился в комнату.

Слава поднял глаза на криво болтающийся на стенке отрывной календарь. В СССР пришло 19 августа 1991 года.

Прошло 13 лет

Волков шваркнул трубкой о телефон. Потом поднял и шваркнул ещё раз. Легче не стало. Анисимов сидел в кресле напротив Славиного стола, уткнувшись лицом в сложенные ладони. Новость об «утекшем» вождеденном договоре застала врасплох. Оба считали, что годовой контракт на полную техническую поддержку «Внешторгиздата» у них уже в кармане. Уже распланировали будущие доходы, взяли двух новых технологов по печатным и упаковочным машинам, повысили зарплату секретарю. А о мерседесных Анисимовских мечтах и Славиных мальдивских обещаниях сестре даже вспоминать было страшно.

— Кто увёл? — спросил Волков, зверски глядя на бизнес-партнёра.

Анисимов вынырнул из ладоней, боязливо покосился на дверь — не слышит ли секретарь Нонна Витальевна.

— Какой-то Лисицын, чиновничий сынок. Ясно дело, что контора папашкина, а пацана просто в директора записали, чтоб жопу прикрыть. Сыну лет 25 от силы, такое бледное недоразумение, а не мужик. Я его видел пару раз на тендерах.

— Лисицын... Даже не слышал никогда, откуда он взялся?! — Слава рванул к окну, дёрнул форточку.

Октябрьский воздух просквозил комнату, мокрые листья вперемешку с машинными выхлопами. Слава поводит слепым взглядом по старому дворику, чья тишина никак не клеилась с помпезным адресом центральной московской улицы «Тверская». Мерзлявый Анисимов демонстративно высморкался и прогундел:

— Уже закатили приём в честь подписания, у нас в «Пекине», — посмотрел на часы. — Сейчас как раз. Поди уже разливают, суки.

Слава медленно повернулся, шкрябнув по-тигриному подоконник, сощурил глаза. Угрожающая улыбка асимметрично прорезала лик бизнесмена, взгляд загорелся. Анисимов опасно шмыгнул носом, вжимаясь в кресло.

— Чего это ты задумал?

Слава зловеще уточнил:

— Значит они сейчас в «Пекине»? С этим Лисичкиным?

И метнулся к двери, сдёргивая с неустойчивой трёхногой вешалки короткое пальто. Анисимов кинулся следом, фонтанируя местоимениями:

— Ты... мы... А я... - выкрикивал он на ходу, растревожив Нонну Витальевну. Та с испугу включила кофемашинку и замерла, глядя вслед уносящимся начальникам.

Директор ООО «Технолог и я» Слава Волков спортивно сигал через лужи, будоража сердца скукающих на детской площадке мамаш. За ним нескладно скакал финансовый директор Анисимов, то подбадривая Славу в его борьбе с «паскудами», то сокрушаясь насчёт своих мокнущих дорогуших ботинок. Волков уверенно шагал к гостинице-ресторану «Пекин» рядом с

расхристанным бронзовым Маяковским. У него не было плана, кроме как набить морду бывшим клиентам на пару с их новыми «технологами». Потеря контракта настолько оглушила, поставив крест на всех многолетних надеждах, что сидеть в кабинете и рефлексировать он просто не мог.

Тревога за будущее, разочарование и гнев вкупе с негодованием гнали его на поле брани, благо до «Пекина» было рукой подать. Анисимов рядом садистски подсчитывал количество просранного с этим контрактом бабла, накручивая Волкова до уровня фаната «Спартака».

Предусмотрительно затормозив у шикарного входа в «Пекин», обделённые технологи одновременно одернули одежду и пригладили волосы. Прошли в фойе, оглядывая шикарные интерьеры. Анисимов толкнул Славу в бок, кивнул на указатель «Банкет Внешторгиздат». Слава азартно потёр руки и направился к ресторану. Сталинский ампир нисколько не поблек с 50-х, потолки и стены в пору в музей выставлять. Анисимов заохал, крутя головой, дёргал Волкова за рукав, указывая на массивных драконов у входа в ресторан. Слава отмахнулся, кивнул на стоящую возле длинного шведского стола компанию мужчин в деловых костюмах.

— Кто? — он впился глазами в вальяжных посетителей с бокалами в руках. — Где этот сука Лисицын?

Анисимов пристально оглядел мужчин, близоруко прищурившись. Узрев главного мерзавца, чуть было не залаял и не замахал хвостом.

— Вот этот! В синем пиджаке, рыжий такой! — он некультурно ткнул пальцем в худого мужика, стоящего спиной к мстителям.

Волков пошёл к цели, засечённой в трёх столах от их локации. Не то чтобы он вообще решал вопросы кулаками, но сейчас отчаяние крыло. Он играл честно, всё делал по закону, тяжело трудился, он заслужил этот гребанный контракт! И если жирующим чиновничьим тварям закон не писан, значит будут ходить с подправленной физиономией! И вон с тем салатом на башке... Наступив какой-то фифе на ногу, Слава дёрнулся от её взвизга. Синепиджачный козлина впереди обернулся на возглас в момент, когда Слава подхватил его под локоть, чтобы развернуть, и тут Волкова словно обдало тепловой пушкой. Жёлто-зелёные глаза уставились в его лицо, прострелив башку навывлет – Слава даже ощутил, как взъерошились волосы на затылке. Светло-рыжая чёлка бликнула в свете сотни лампочек, до Волкова словно донёсся шум заволновавшейся на дереве листвы – хотя откуда бы? Курносое лицо из его кошмаров приближалось как в дымке, рот приоткрылся, раздался тот самый голос, что будил его ночами во влажных простынях:

— Слава...

Рядом с ухом раздалось Анисимовское «не понял», фифское «хам», а потрясённый Слава сжал чужой локоть до хруста. Ужас, чутко дремавший все эти 13 лет снова поднял голову. Миша Патрикеев стоял перед ним, словно рыжая Немезида, нашедшая Славу для свершения казни за грехи. Обуреваемый чётким ощущением конца света, Слава зачем-то потянул на себя внезапно покорного Патрикеева, будто хотел разглядеть его хорошенько перед смертью. А тот вдруг прикрыл глаза и подался на него, практически прижался. Слава зажмурился от дикого дежавю, до него стало доноситься испуганно-осуждающее жужжание стоящих рядом. Он всё ещё сжимал Мишину руку, вдруг осознав, что жизнь решила не только обобратить его до нитки, но и отправить в Кащенко, снова ниспослав ему на голову это рыжее больное чудовище. От злости и обиды на всех заклокотало в груди, он мстительно тряхнул Патрикеева, глумливо-

участливо вытаращив глаза:

— Что такое? Вам плохо?

Патрикеев, взрослый, здоровый Патрикеев, снова выламывался перед ним, словно пьяный. Он прикрывал глаза, цеплялся рукой за отвороты Славиного пиджака и страдальчески сводил брови. Возмущённые перешёптывания становились всё более громкими, сквозь этот гул раздавались «вот полюбуйтесь!» быстро сориентировавшегося Анисимова. Слава продолжал удерживать Патрикеева за руку, заглядывая ему в лицо, похлопывая другой рукой по плечу, словно прося прийти в себя. Сейчас злость вперемешку с желанием вскрыть этот болезненный нарыв совершенно отключили Слаvinу хвалёную рациональность. Перед ним стоял адский мальчик, разрушивший его карьеру, отнявший покой на добрый десяток лет, испоганивший жизнь! Патрикеев запрокинул голову, глядя ему прямо в глаза из-под прикрытых век, простонал финальное «Сла-ава» и, задрожав, согнулся, выдохнул тяжело, с надрывом. Волков глядел на него во все глаза, стараясь запомнить каждую деталь Мишиного позора, чтобы смаковать потом до конца своих недолгих горемычных дней.

Его дёрнули за руку, и Слава очнулся. Анисимов, продолжая возмущаться непотребству чётко в сторону оторопевшего исполнительного директора Внешторгиздата, тащил Славу к двери. Выпустив Мишину руку из захвата, Слава на негнущихся ногах последовал за Анисимовым. На пороге тот вдруг взялся желать окружающим «всех благ», а охувшие гости банкета переводили глаза с утекающей парочки на красного как рак Патрикеева со скрещенными ногами. Миша поднял ладонь к пылающему лицу, и это было последним, что увидел Волков перед тем, как Анисимов выдернул его в коридор к драконам.

— Слышь, Кашпировский, — шипел Анисимов, волоча Славу вниз по Большой Садовой. — Ты что за вуду там устроил?

Слава покорно перебирал ногами, то и дело оглядываясь, не веря, что он только что нос к носу встретился со своим проклятием и ушёл живым.

— Волков! Ты откуда его знаешь? А ну, зайдём посидим, - толкнул его Анисимов в дверь подвернувшейся кафешки.

Слава сел за столик, бездумно уставился в ламинированное меню с капучинами-пина-коладами. В ладони всё ещё ощущалась тонкая рука под шерстяным рукавом пиджака. И даже запах у этого лиса был такой же, как тогда. И голос...

— Два американо с молоком, — заказал Анисимов и слегка наклонился через стол к Славе, в ожидании объяснений.

Слава никому не рассказывал про Мишу. Ни пьяным, ни трезвым. Ребёнок, мальчик в его постели - да это всё равно, что в массовом убийстве признаться. Никто таких откровений тебе не простит и не забудет.

— Почему он Лисицын? — поинтересовался вдруг Слава у сахарницы, но ответил Анисимов:

— Кто?

— Хорь в манти! Он же Патрикеев был!

Слава поднял глаза на тупившего Анисимова и по его выражению лица понял, что того опять поразила «лошадино-фамильная» болезнь.

— Ясно, — кивнул он хлопающему глазами Анисимову. — Опять двадцать пять!

— А я Лисицын сказал?

Слава вяло махнул рукой. Анисимов имел парадоксальную память на фамилии — ассоциативную. Славу он несколько месяцев называл Серых, даже в бланках печатал иногда. А их бухгалтера Медведчука до сих пор зовёт Шатуновым. Очевидно, сказочная Лиса Патрикеевна зачаровала Анисимова в детстве.

— Я у этого... «Лисицына» вожатым был в Софрино, — вдруг признался Слава. — Он и тогда уже был с приветом. А теперь видишь — вообще шизанулся.

Нетребовательный, быстро отвлекающийся Анисимов нервно взгоготнул и, разглядывая блинчики на соседнем столе бодро подытожил:

— Я на всякий случай какому-то мужику из Внешторгиздата нашу визитку сунул. Пока вы там... ну это...

Жизнь словно встала на паузу в эти дни. Слава не мог понять, что теперь будет: есть у них контракт, нет контракта? Звонить во Внешторгиздат как ни в чём не бывало или ждать их звонка. Сообщать штату, что придётся затянуть пояса или срочно искать новых клиентов? Все эти метания, однако, отходили на второй план, когда Слава вспоминал Патрикеева. Вернее, он его и не забывал, а только старался отвлечь себя думами о делах.

Миша был вроде бы уже совсем взрослый, но он так мало изменился, что в Славиных глазах казался всё тем же подростком. Причём, ведь сам узнал Славу с полувзгляда, сразу назвал по имени, будто только вчера виделись. Измучив себя унылой программой телевидения, Волков уселся на кухне с ополовиненной бутылкой бабского Мартини Бьянко. Он и раньше об этом догадывался, но сейчас стало очевидно: Патрикеев из его мыслей никуда и не уходил. Как памятная безделушка, что пропала в квартире сто лет назад, но ты точно знаешь, что однажды наткнёшься на неё, разбирая захламлённую антресоль. Он почти всегда думал о Мише, когда видел рыжих ребят на улице или в кино, когда слышал пошлейше-дурманящий «Justify My Love» Мадонны, что крутился по «Европе Плюс» тем летом. Миша был его тайной на миллион золотых, жуткой и какой-то кисло-сладкой одновременно. За прошедшие годы страх разоблачения притупился, но реакция на Патрикеева была ровно такой же, как в далёком солнечном августе. От него перехватывало в горле и что-то трепыхалось в животе. От приторного Мартини Слава задремал на двухместном диванчике на кухне, прижав коленки к груди.

Анисимов считал, что трубки не берут только покойники, поэтому всегда трезвонил до победного. Слава зевал в телефон, пикая щекой по кнопкам.

— Танцуй! — приказал Анисимов визгливо. — Разведка доложила, что Внешторгиздат пока не завизировал договор с этими психами! Похоже, у них появились вполне себе разумные сомнения.

И пошленько захихикал в трубку, дескать, мы-то знаем какие. Слава нахмурился до боли в переносице. Почему-то ужасно раздражало, что вся околоиздатская братия теперь ржёт над Мишей. Представилось, как тот понуро плетётся по коридору своего офиса, а все сотрудники

повысовывались из своих кабинетов и тыкают в него пальцем.

—...иди, говорит, сынок. Живи как хочешь, раз лечиться не собираешься, — уловил Слава из трубки.

— Что? — он аж встал с дивана и пылливо уставился на бледно-голубой кораблик на полке, сувенир с Кипра. — Куда кому идти?

— Ты всё ещё со мной разговариваешь? — переспросил Анисимов после секундной паузы и получив подтверждение неуверенно повторил: — Я говорю, секретарша Патрикеева-старшего слышала, как тот на сына по телефону орал, требовал, дабы тот пошёл к специалисту, типа мозги лечить. А если, говорит, отказываешься, то иди, говорит, куда хочешь. И директором, кстати, уже кого-то другого назначили.

— В смысле «иди»? Из дома, что ли? Миша с родителями живёт?

— Кто? — Анисимов был вообще мастер неожиданного вопроса, на который обычно сам себе отвечал. — А, ну да, Миша. Получается, что с ними.

По затихающему голосу Анисимова стало ясно, что разговор его больше не воодушевляет. Слава не поддержал его злорадного веселья, не возликовал падению врага, взялся расспрашивать какие-то малозначащие для Анисимова вещи. Неблагодарный.

— Ладно, я пойду с юристом потолкую, — с упрёком в голосе заключил Анисимов. — Надо убедиться, что наш договор актуален, чтобы подписать в любой момент.

И, чтобы Слава до конца прочувствовал вину за свою бестолковость, повесил трубку не прощаясь. Волков сел на диван, потёр ладонями лицо. Как это — выгнали из дома? Перед глазами тут же встал образ худенького бледного Патрикеева, жавшегося брошенным котёнком в грязном переулке. Если та контора — его единственный источник дохода, а родительский дом — единственное пристанище... Получается, что Слава взял и просто разрушил Мишину жизнь за поганый контракт? За то, что его отец — бесчестный рвач? В дурмане вчерашнего Мартини и воспоминаниях о маленьком Патрикееве, Слава рисовал себе картины одна страшнее другой. Вот Миша привязанный к кровати в палате с белыми стенами шевелит сухими губами, взирая в потолок. Вот он сидит возле жестяной бочки с горящим хламом в полуразрушенном здании, протягивая озябшие руки к огню. Вот он лежит на грязном матрасе прямо на бетонном полу с закатившимися глазами, со жгутом на бледной исколотой руке. Такое показывали в американских фильмах, и беспомощный, гонимый всеми Миша очень органично вписался в эти жуткие картины. Бедная жертва собственной болезни и жадного, бессердечного отца. Слава вошёл в полупьяные самобичевания, растравливая себя воспоминаниями о маленьком Патрикееве: с тяпкой в аютиных глазках, с мячом под недосыгаемым баскетбольным кольцом, с ободранной коленкой в медкабинете. Он почувствовал, как защипало в глазах — так ему стало жалко своего бывшего подопечного. Волков решительно встал и схватил телефон.

Слава сидел в машине, гипнотизируя глазами дверь офиса «Пак-сервис». После недолгих упрёков в слабоумии и ебанутом рыцарстве, Анисимов согласился позвонить своему «информатору» — всё той же секретарше Патрикеевых. Она-то и доложила придуренным шёпотом, что Миша сегодня в офисе, передаёт дела новому директору. Слава сорвался как на пожар и через двадцать три минуты уже припарковался через дорогу от офиса треклятых

конкурентов. Вся эта пионерская драма со спасением припизднутого Патрикеева сейчас стала казаться малёк идиотской и надуманной, но Слава будто умышленно не хотел себя останавливать, продолжая увязать в сей Мише-трагедии. И даже больше — сейчас Слава словно вынырнул из своих серых бизнес-будней и вдохнул полной грудью. То, как он сейчас себя ощущал... — ему казалось, что такие яркие переживания остались позади, в гормональной юности. Что в его степенные тридцать два людей уже не швыряют эмоции и порывы. Ни погоня за контрактами, ни романы с подружками не вытаскивали Славу из его уютной скорлупы, не дёргали за нервы. Конечно, он переживал и за работу, и за свои романтические увлечения, но словно через стекло, как фильм смотрел. Он мог злиться, ревновать, расстраиваться, кричать, ругаться, но ничто так не цепляло за живое, как этот зеленоглазый чудик из прошлого. Никаких романтических чувств Слава к нему не испытывал, упаси Бог. Просто этот чертёнок откупорил полузабытые ощущения молодости, свободы, волнений, взрослений, воспоминаний, страхов. С его появлением на Славу накатило, казалось, совсем уже потерянное чувство «здесь и сейчас». После Мишиного «возвращения» Слава стал догадываться, что все последние годы будто дремал. Конечно, весь этот психоанализ был совершенно некстати, но башку-то не выключишь.

На третьем часу шпионажа градус драматичности начал падать — хотелось жрать и в туалет. Дождь зарядил будто издеваясь, а Патрикеев всё торчал в тёплом офисе с сортиром и ударяться в бродяжничество не спешил, судя по всему. Слава поворчал на всяких нерасторопных уволенных директоров и выполз под дождь к палатке с хот-догами. Взял два, и конечно же, как только запихнул один в рот, из обрыдших дверей выпорхнул гонимый роднёй онанист. Слава заметался, что-то замычал продавцу сквозь горячую сосиску и кинулся через дорогу под бибиканье и визг тормозов. Миша рефлексивно обернулся на приближавшийся звук поспешных шагов и даже выставил вперёд локоть, словно защищаясь. Перед ним стоял Слава Волков с горящими глазами и сосиской во рту. В одной руке он держал бумажник, а в другой — смятую булку, с живописно истекающими на мокрый тротуар горчицей и кетчупом. Патрикеев опасно оглядел бывшего жоатаго и жалобно скривился, очевидно, умоляя не убивать себя прямо сейчас. Слава же сражался с адской жрачкой, стесняясь выплюнуть всё под ноги Патрикееву и не имея возможности проглотить всё целиком. И это просто убивало его! Он три часа представлял, как благородно и мужественно предложит бестолковому тюте свою защиту. И вдруг эта жалкая немая сцена, где он стоит с поднятым пальцем «минуточку» и давится сосиской с изуверским выражением лица. Миша послушно ждал, кидая взгляды на мимо идущих людей. Пару раз стряхнул капли дождя с рукава, явно не зная куда себя засунуть, покашлял. Слава богу, не завёл разговор о погоде! Наконец, Слава проглотил эту еду диверсанта и сконфуженно махнул в сторону своей машины:

— Поговорим?

Миша осторожно заглянул Славе в глаза, видимо пытаясь догадаться о его намерениях. И вдруг заалел щеками, смущённо улыбнулся. Кивнул даже как-то кокетливо, будто Слава его на вальс пригласил. Они пошагали к машине — Слава нервно, а Патрикеев задумчиво-плавно. Волков подрастерял пыл, только сейчас понимая, что порыв спасать отвергнутого миром Мишу изначально не выдерживал никакой критики. Чего он помчался? Чего себе напридумывал? Слава даже разозлился на сытого, одетого, без видимых побоев Патрикеева. Вот и жалеет после этого всяких придурков!

— Я так понимаю, у тебя всё хорошо? — с угрозой в голосе спросил Слава, припечатывая Мишу взглядом к месту пассажира.

Тот виновато закусил губу, отвёл глаза. А Слава подсказывал, чем Патрикеев может его

обрадовать:

— Никто тебя из дома не выгонял, с работы не гнал с волчьим билетом? — и снова воззрился, выискивая долгожданные признаки несчастья.

И вдруг Миша, подвиснув на пару секунд, заморгал и горестно зашмыгал носом. Как давным-давно в лагере, когда его оса за палец цапнула. Свёл брови, свесил чёлку на глаза и шмыгнул. Слава загорелся надеждой, сказал чуть мягче:

— Ну говори, что у тебя там?

Миша замотал головой, мол, не скажу и не спрашивай. Слава с удивлением почувствовал, как в груди почему-то стало тепло. От влажных волос Патрикеева шёл едва заметный давно забытый аромат чего-то солнечного, своего. Слава покачал головой, мол, что с тобой делать, и завёл машину.

— Поехали посидим. Не реви, — последнюю фразу он добавил, раздуваясь от идиотской важности и зрелости, хоть, строго говоря, никто и не ревел.

Миша сразу отвернулся к окну, и в салоне повисла интимная тишина. Слава смотрел на кривые силуэты деревьев и домов сквозь лобовое стекло в дождевых потёках и пытался осознать. Осознать, что сейчас сидит с тем самым Мишей, кто все эти годы был для него как случайно увиденная когда-то летающая тарелка — и поверить невозможно, и забыть нельзя. С того лета в «Маяке» образ Патрикеева размылся, как будто развоплотился, было странно, что он живой, говорящий, что всё это время у него была жизнь, учёба, работа, девушки... Слава нажал на газ, сообразив, что они сидят в тишине в припаркованной машине уже несколько минут, и это действительно странно.

Пиццерия встретила сдобно-мясным запахом. Миша целенаправленно прошагал к угловому столу, прикрытому от зала искусственной драценой. Они долго усаживались: Волков взялся вытряхивать Мишу из пальто, потом сражался с вешалкой, чуть не завалив её на аквариум с какой-то стрёмной флегматичной ящеркой. Патрикеев водил взглядом за чумным Славой, послушно отдавая ему то пальто, то перчатки, то сумку. Когда тот схватил салфетку и стал примериваться, на вопрос заправить её Патрикееву за воротник как слюнявчик, Миша строго сказал официанту:

— И двести граммов водки, пожалуйста.

Слава забубнил про руль, а Миша кивнул на свой сотовый и пообещал вызвать какой-то экзотический сервис «трезвый водитель». Волков не стал спорить, он так разнервничался, что действительно не находил себе места, и водка показалась отличной идеей.

Через полчаса, два салата и одну большую пиццу «по-мексикански» Слава понял, что разговор зашёл в тупик. Или упёрся в шлагбаум имени немногословного, как патологоанатом, Патрикеева. Гадёныш то и дело отводил глаза, где мог кивал или мотал рыжей башкой, а если вынужден был ответить, то будто экономил буквы: закончил ИнЯз, мать с сестрой в Лондоне, живёт с отцом. После второго графина с водкой Славу таки повело. К тому же он разозлился, и, как обычно в таком состоянии, начал путать буквы в словах.

— Вот скажу тебе, как на пуху, — приложил он руку к груди, — я о тебе вспоминал. Иногда.

Патрикеев, наконец, посмотрел Славе в глаза, будто дождался хоть чего-то интересного в сегодняшнем унылом вечере. Тот запоздало сообразил, как оно прозвучало и замахал рукой, словно отнекиваясь.

— Я без всяких этих... — и состроил брезгливую морду. — Я ж нормальный.

Миша приподнял одну бровь, но Слава не просёк. Что ни говори, а эта слегка пидороватая тема беспокоила его невероятно. По-трезвому подумывал вообще обойти этот вопрос стороной, а под мухой вот захотелось ясности.

— И ты тоже давай завязывай, — продолжал он в парадигме «Больше Ада!». — Вон отец пусть тебя подлечит, а то что ж — молодой парень и такое... Самому-то не стыдно?

Патрикеев заледенел взглядом, и Слава наконец осёкся, почувствовав угрозу, опустил глаза в тарелку и начал выковыривать оливку из застывшего сыра. Этот контуженый Патрикеев всё испортил! Почему-то не жаловался, не клял себя, не говорил о покинутой работе, о чуть было не стырном контракте, о ссоре с отцом. Не так Слава представлял себе их разговор. За витринными стёклами стало смеркаться, он вдруг подумал, что надо завязывать с этой пыткой, а то ещё чего доброго сам скоро начнёт оправдываться непонятно за что. Слава машинально поискал глазами официанта, чтобы попросить счёт, когда вдруг услышал радостное:

— А помнишь «Орлят»? Мы ведь до сих пор общаемся!

Слава аж отпрянул назад, так неожиданно было видеть Патрикеева улыбающимся. Тот взял кусок пиццы с тарелки и продолжил:

— Перезванивались после лагеря, встречались несколько раз. Лазутин ещё, Катька Зайцева...

Мишу стало не узнать. Он оживился, зажестичулировал, взялся докладывать про бывших солагерников. Переключился на захватывающий рассказ о недавней поездке в Индию, мимоходом отловил пробегающего официанта и заказал им вкуснейшего мороженого. Поначалу Слава с недоверием косился на внезапно разболтавшегося молчуна, но следующий заказанный ему графин с водкой унял подозрительность. Оказалось, что Миша просто чумового обаяния человек! Слава про себя даже простил ему коррумпированного папашу, лихоманку его срамную и зловердное недавнее молчание. Он подпёр кулаком щёку, уставился на искрящегося Патрикеева и улыбался, улыбался... Вспоминал, как Мишу в лагере любили и тискали, как он доверчиво притащился тогда к нему ночью со своей ногой. Водка уютно устроилась в сытом желудке, из динамиков лилась гитарная музыка, стилизованная под что-то итальянское. Официанты разнесли по столикам маленькие свечки в округлых прозрачных подсвечниках, и по залу замигали тёплые жёлтые искорки. Миша стал ненавязчиво расспрашивать про Славиноу жизнь. Кивал, поддакивал, внимал. Слава и не заметил, как потихоньку выложил о себе всё, даже о личном - начиная со смерти отца и заканчивая девушкой Ксюшей. Миша сочувственно сводил брови на рассказ об отце, азартно подбадривал при обсуждении новых проектов, игриво цокал языком, выслушивая про красавицу Ксюшу. В общем, Слава уже и не помнил, когда так отдыхал душой. Сейчас он и сообразить не мог, за что так боялся Патрикеева, почему вздрагивал при мысли о нём. Ну подумаешь, чего-то там у него вставало непредумышленно в четырнадцать лет. А у кого не вставало-то? Жёлто-зеленые глаза убаявали Волкова окончательно. Он хихикал как дурак на незатейливые шутки, пил ароматный кофе с коньяком и окончательно расслабился. Ближе к одиннадцати у Миши пиликнул телефон. Он потыкал в кнопки, посмотрел на дисплей, как-то сник и спросил:

— Можно я у тебя переночую?

Слава тут же закивал так, что свечки заплясали в глазах.

— Конечно! Живи сколько надо!

Тот явно не собирался у него жить — это было видно по округлившимся Мишиным глазам на такой комментарий, но Слава так воодушевился возможностью поддержать, помочь, отплатить за хороший вечер, за доброе отношение...

В квартиру ввалились под нестройный “Взвейтесь кострами” на два голоса. Славу просто рубило — он так наелся-напился-наржался, что даже звуки окружающего мира слышались, как в трубе.

— Я засну прямо здесь, — прохихикал он в коридоре, пока Миша стаскивал с него пальто.

— А как же встреча рассвета, э? — Славу шутливо встряхнули за плечи, но он вывернулся и по стеночке поплёлся в комнату.

Добравшись до кровати, не включая свет, он начал бестолково раздеваться, путаясь в рукавах и брючинах. Из темноты давал указания моющему руки Патрикееву насчёт полотенец и койко-места в соседней комнате. Тот убеждал, что разберётся, что всяким пьяницам пора бы уже на боковую, а то от них слишком много шума. Слава завалился на кровать, продолжая что-то гундеть насчёт волшебного вечера и «надо бы почаще...» Перед тем как провалиться в сладко-пьяный сон, он вдруг подумал, что Миша потрясая стойко пьёт для своей комплекции.

«Вот бы каждый раз так лечили от похмелья!» — возликовал Слава, почуввав уверенную руку у себя между ног. В приглушённом свете серого дня из-за задёрнутых занавесок, он уютно прижался спиной к тёплому телу сзади, умащиваясь в чужих объятиях. Ксюха редко его баловала такими приятными пробуждениями. С него бесстыже сдёрнули одеяло, обнажив театр дрочевых действий. От полупьяного расслабона и неожиданно ловкой руки, Слава понял, что стремительно подъезжает к конечной остановке. Он замычал и откинул руку назад, пытаясь прижать чудесницу к себе поближе. Голос чудесницы, однако, звал его почему-то очень издалека.

— Слава!..

Волков удивился такому долби-сурраунду, приоткрыл глаза и... узрел Ксюху в дверном проёме. Она стояла всклокоченная, в позе Ивана Грозного из учебника - глаза выпучены, палец обвиняюще направлен вперёд. Слава будто вдохнул сто игл в лёгкие и сжал между пальцами коротко стриженные волосы будущего трупа у себя за спиной. Он всё понял, что называется, ещё до того, как осознал. Без сомнений рядом с ним лежит голый Патрикеев и сейчас на виду у Ксюхи держит Славин член, как олимпийский факел. Надо отдать сучонку должное - он не прервался, продолжая ритмично двигать кулаком. От ужаса Слава обмяк на кровати, словно ему хребет переломили, голова выключилась на долю секунды, а член под шумок решил хоть кончить напоследок. Ксюха зажала рот рукой, простонала сквозь ладонь, лицо её исказилось яростью. Славу, наконец, выдернуло из кровати, он вскочил на ноги, двинулся к ней. И как в дурном сне всё никак не мог прийти до неё или открыть рот, что-то сказать. Ксюха продолжала подвывать, когда за спиной послышался твёрдый голос:

— Ты же сказал, что вы расстались.

Ксюха взвизгнула, а Слава тут же уверовал, что пока не уебёт этого гандона, спокойно говорить не сможет. Он одним рывком развернулся и кинулся на расслабленно стоящего, такого же голого как он сам, Патрикеева. Тот ниндзей вильнул вбок и вниз, будто качнулся и Славе под рёбра воткнулся титановый кулак. Слава всхлипнул, от боли из глаз брызнули слёзы, ему показалось, что кулак пробил лёгкие и раздавил сердце в пятерне — оно перестало биться. Он свалился кулём, отбивая колени, упёрся лбом в пол. Чьи-то руки крепко взяли его за плечи, уложили на бок, почему-то загорелись пятки, как-будто по ним хлопали ладошами.

— Дыши давай, сейчас пройдёт, — строгий голос выговаривал ему, словно тренер на татами. — Девушка, приходите позже, нам сейчас не до вас.

Слава попытался перевернуться хотя бы на спину, чтобы посмотреть на Ксению. Словно парализованный немой, он дёргался и мычал, скалил зубы. Из коридора послышался стремительный перебор каблучков, шарахнула входная дверь. Озарённое нежно-шизофренической улыбкой лицо Патрикеева нависло сверху. Слава взглядом кромсал эту морду, разрезая будто лазером. Ему хотелось выдавить эти зелёные глаза, вырвать по одному белоснежные зубы. И повесив их все на нитку, носить на шее.

— Ты не жилец, — прохрипел он, ловя дыхание.

Боль из подреберья стала затихать, он только сейчас понял, что всё это время его ноги были сведены словно судорогой. Он практически шипел:

— Слышишь, ты? Сяду, но тебя урою!

Патрикеев нахмурился недоверчиво, поджал губы. Покачав головой, встал и взялся спокойно одеваться. Слава, наконец, перевернулся на живот, попытался подняться хотя бы на четвереньки.

— Ты практически сам в меня врезался, — приглушённо доложил Патрикеев из-под футболки, вытаскивая голову из ворота. — Я, конечно, не собирался так сильно бить.

«Конечно». Он ещё разговоры ведёт, словно они на улице случайно плечами столкнулись. Слава на дрожащих ногах поднялся, опираясь рукой на стоящий рядом стул. Нет, эта мразь из его квартиры живой не выйдет! Он развернулся к Патрикееву, и тот, глядя на его перекошенное ненавистью лицо, наклонил голову к плечу. Его голос был ровным и негромким.

— Я тебя как-то подставил, что ли? Опозорил, унизил перед какими-то важными тебе людьми? — лицо стало издевательски-озадаченным, он нарочито нахмурился. — Да зачем бы мне так поступать? Вот так, человека, который ничего плохого мне не сделал — выставять в таком ужасном свете перед семьёй, всем миром, — и он замотал головой, категорически отвергая такую теорию. — Нет, люди так не поступают, Волков.

Слава заморгал, будто пытаясь навести резкость. Он стоял голый, трясущийся от стресса и злости, под рёбрами наливалась приличная гематома. Что-то не давало ему немедленно кинуться на врага, что-то бликовало перед глазами, словно тот солнечный зайчик в туалете лагеря далёким летом. Миша смотрел прямо ему в лицо, выжигая мозги своими вкрадчивыми интонациями. От его ледяного спокойствия стало ещё страшнее. «Люди так не поступают...» Славе казалось, что он вот-вот ответит, достанет противника не кулаком, так словом, он выскребал ненависть из всех уголков своей дрожащей души. Но Патрикеев бил в обратку на поражение и, похоже, пленных не брал. Оказывается, те самые пресловутые моральные силы нужны даже для физической атаки. И у Славы они закончились секунду назад. Единственное на что хватило остаточного запала — скорбное:

— Теперь ты счастлив, гад?

Застегнув брюки, Миша дёрнул головой, откинув чёлку с глаз и сказал будто сам себе:

— Я был счастлив, когда нашёл тебя спустя столько лет. Но обманулся. Бывай, — и вышел в коридор.

От открывшейся входной двери мерзко просквозило. Слава поёжился, остервенело потёр лицо ладонями и побрёл к кровати. Он закрутился в одеяло, уговаривая себя, что вот-вот что-нибудь придумает. Как-то найдёт выход из этого абсурда. Ему надо только немножко полежать и подумать...

===== Глава II =====

Волков чувствовал себя синеньким Айдом из диснеевского мультфильма — Боль и Паника стали его первейшими друзьями. Боль была в основном душевной — похоже, этот замороженный Брюс Ли милосердно оставил ему селезёнку в её естественных границах. Как ни странно, больше всего добивало то, что единственный человек, знающий правду про происшедшее в Славиной квартире накануне, был его заклятым врагом. И Волков переваривал свои мысли в глухом одиночестве. Он поначалу собирался объяснить с Ксенией, но та выключила сотовый, а звонить домой Слава побоялся — вдруг уже родители в курсе. Он весь сжимался от одной только мысли, что эта ситуация вышла за пределы их «троицы». Такие слухи хуже СПИДа — не избавишься, не вылечишь. Если Ксения кому-то сказала — на Славе можно ставить крест. Ни друзей, ни работы у него больше не будет. Он укачивал сам себя в постели, как маленький, вода воспалёнными глазами по старым обоям. Боялся покинуть кровать, не шёл даже в туалет, хотя ссать хотелось невероятно. Как Ксения оказалась в его квартире, выяснилось почти сразу после ухода Патрикеева. В отправленных СМС висело драматичное «Я должен с тобой расстаться, я не тот, кто тебе нужен». И отправил-то как удачно, не ночью, а ранним утром, чтобы Ксюха наверняка прибежала — благо тут две остановки на маршрутке до её дома. Славе было сложно выстроить всю авантюру Патрикеева по шагам. Он, как жертва аварии, не мог вспомнить последовательность произошедшего, будто катался на карусели и вдруг его ухерачил ковш экскаватора. Даже Штирлиц бы не заподозрил Патрикеева с пиццей в руке — так себя успокаивал Слава. Хотя, жёлто-болотный взгляд после его увещаний насчёт лечения, вспоминался сейчас с особой ясностью. Один и тот же вопрос всплывал в голове, как ошибка на экране Windows — какого хера он попёрся к Патрикееву вчера вечером на работу?!

Герои в фильмах всегда убиваются с отдачей и концентрацией. Но в реальной жизни никто не будет создавать тебе идеально страдательных условий — все будут продолжать свою ежедневную суету, втягивая тебя в какую-то возню. Анисимов взял Славу в оборот ближе к четырём дня, заставив приехать и решать вопрос с заболевшим техником. Будто Славини мощи могут излечить того техника. Но он попёрся в офис скорее на автомате, чем обдуманно. Бесконечные мелкие дела и проблемы оттягивали на себя внимание, и к девяти вечера о его горе напоминал только синяк на брюхе, который болел постоянно. Конечно, ничего близкого с тем, чтобы просто выкинуть проблему из головы даже не было, но Слава вынужден был отложить горькие раздумья на после работы. В одиннадцатом часу он закрыл офис и поехал по Садовому в сторону дома. По радио Уматурман настойчиво предлагали проститься, и Слава почему-то подумал о Ксении. Он попытался нащупать ту надежду на воссоединение, что обычно зиждется при случайной ссоре или неумышленном расставании. Но внезапно понял, что с Ксенией он уже простился, и будто бы даже с облегчением. И это открытие так поразило

его, что он резко затормозил и вышел из машины. Так странно, что все важные, весомые решения и озарения накрывают в совершенно блёклых и ни фига не драматичных местах. Не перед иконой в Елоховской Церкви, не на вершине Ай-Петри, а рядом с закрытым шиномонтажом. До родного дома Слава пошёл пешком — успокоить голову, благо соседний двор. Мысли свинцовыми шарами катились по кругу. Он уже не мог фонтанировать эмоциями — усталость взяла своё, но до смирения с ситуацией было ой как далеко.

До подъезда Слава решил срезать через детскую площадку. Он остановился, раздумывая не увязнет ли в песке, когда справа на скамейке кто-то зашебуршился. Слава почему-то затаился, словно тать, попытался рассмотреть получше. Сидящий достал видимо мобильник, свет от дисплея выхватил курносый профиль. Слава зажал рот ладонью как девица в ужастике, что пытается захватиться от маньяка. Сделал два бесшумных шага назад, на дорогу. Он и испугался до ватных ног, и возликовал одновременно. После суток немых страданий в одиночку, перевариваний и поисков ответов, появление второго непосредственного участника будто сняло с него часть тяжести. И даже было не так важно, зачем он здесь — для объяснений или мордобоя. Главное — он приоткрыл дверь в душевные метания испуганного, закрывшегося ото всех Славы.

Волков скоренько прокрался к тротуару, что вёл к подъезду. Выпрямился и пошагал размерено, как обычные Волковы возвращаются с работ, стараясь не коситься в сторону скамейки. Подойдя к подъездной двери зачем-то взялся вглядываться в свои окна на третьем этаже, потом задрал голову к небу, проводил глазами помигивающий огонёк самолёта. В общем, вёл себя довольно неестественно, как бывает с людьми, когда они вдруг обнаруживают, что их снимают на камеру или пристально разглядывают. Слава оправдал свою театральщину тем, что даёт притаившемуся Патрикееву шанс окликнуть, подойти. Но тот свой пост не оставил, и Слава удалился в подъезд.

Войдя в квартиру, он кинулся к окну, не зажигая свет. Фигура на скамейке сидела как приклеенная. Слава победно хохотнул. Появилось такое чувство, будто старая, напугавшая до бессонницы глава наконец дочитана, и новая, непредсказуемая манит интригующим вступлением. Он подошёл под лампу и дёрнул шнурок — та зажглась. Сию, должно быть, стильную, но бестолковую лампу ему подарили на 23 февраля коллеги. Шнурок включателя свисал из её центра как хвост Иа, и чтобы зажечь свет, надо было пилить в темноте до середины кухни, оббивая ноги об оставленные посередь комнаты табуретки. Слава прошёлся вальяжно перед окном, оглядел подоконник с одиноким горшком, полил задремавшую в ожидании зимы глоксению. Зашуровал по навесным шкафчикам — тянул руки то за чаем, то за сахарницей, то за пастилкой. Он мельтешил по квартире, даже на балкон выскакивал якобы в поисках чего-то, но минут через десять утомился фигурять по «сцене» впустую. Патрикеев напоминал старого кота в засаде — вроде собирался мышь поймать, да заснул в процессе. Слава сел на кухонную табуретку, откинулся спиной на стену, раскачиваясь на ножках. Взгляд устремился на покачивающийся шнурок от лампы...

Каждый человек должен хоть раз в жизни родить мудачью идею. Родить и воплотить. Замечено, что при реализации говноидей вся вселенная помогает идиоту. Удавка из магазинчика приколов была найдена за 4 секунды — меньше чем уходит на ежедневные поиски солонки, например. Слава, дрожа от пакостного предвкушения и азарта, встал под лампой и завозился с бутафорской удавкой. Та была прям как из пиратских фильмов, из толстой кручёной верёвки, с большой петлей для его тупой башки. Он то задирает голову к лампе, указывая взором откуда будет укоризненно свисать, то растягивал удавку, видимо, подгоняя под могучую шею. Закончив с этой мизансценой, подтащил ногой табурет и поднялся

на него как на эшафот, с прямой спиной и взглядом вдаль. Вдали, однако, наблюдалась опустевшая скамейка...

Слава так офигел, что даже упёр руки с удавкой в боки. Он тут для кого вообще старается? Что, замёрз и не мог досидеть до конца? Или пошёл отлить в кусты перед кульминацией? В следующую секунду Слава чуть не свалился с табурета, ибо дверь прогнулась под богатырскими ударами из коридора. Одновременно с грохотом послышался дикий вопль, и Слава с нервяка дёрнул выключатель на лампе. Стоя в крошечной тьме, он слушал крики за дверью, зажав рот ладонью, чтобы не заржать. Значит, Патрикеев помчался вырывать его из рук смерти, не дожидаясь развязки. Из-за двери шёл срывающийся на вой речитатив.

— Славочка, открой дверь!!! Слава, прости!!! Умоляю тебя, умоляю... Слава!!!

С каждым отчаянным криком Славу отпускало, словно ему вкалывали опиат. Миша так искренне, так отчаянно страдал, что казалось оставил Славу далеко позади с его несерьёзной хандрой в этом эмоциональном марафоне. К его стыду, Мишины стенания были приятны до каких-то садистских эротических волнений по всему телу. Слава проскакал в коридор, прижался к двери, чувствуя вибрацию от ударов, глотая каждый вскрик, как уверовавший грешник молитву. Ему показалось, что он может стоять так вечно, но к Мишиному ору присоединился голос соседки бабы Раи — та вылезла в холл и кудахтала рядом с бьющимся в истерике Патрикеевым. Тут весь эротизм схлынул, и Слава, ударив себя по лбу ладонью за то, что поднял такой переполох в подъезде, резко открыл дверь.

Миша пронёсся целеустремлённым ведром полкоридора, пройдясь по свалившемуся навзничь висельнику всеми копытами. Но даже боль от падения и пинков не смогла заставить Славу перестать ржать. Он перевернулся на бок, поджал колени к груди и закатывался, как ясно солнышко. Свет из коридора подсвечивал возникшую в дверном проёме бабу Раю со спины, как Деву Марию, и это просто добило Славу — его заколотило от смеха. Патрикеев перешагнул лежачего, скомканно извинился и закрыл перед бабой Раей дверь. Темнота и внезапная тишина окутала их очень резко. Слава выдохнул, будто после стометровки и попытался подняться на ноги. Миша был где-то рядом в темноте, но выдерживал свою фирменную паузу. Слава на ощупь щёлкнул выключателем, и коридор осветило тусклое бра.

Патрикеев, казалось, не мигал. Он соскрёб взглядом со Славиного лица шкуру, затем медленно опустил глаза на удавку в его руке и снова вернулся к лицу. Волкову стало уже не так смешно. Он скосил глаза куда-то на свои тапки, шкодливо завёл за спину руку с реквизитом для самоубийц-симулянтов. Кхекнул пару раз, прочищая осипшее от смеха горло. Конечно, выкаблучиваясь перед сидящим где-то внизу Патрикеевым, он не планировал с ним объясняться нос к носу. Миша давил его к полу своим молчанием и взглядом исподлобья. Слава физически ощутил нервный тремор по всему телу от пяток до макушки. Стыд за свою убанскую проказу перевесил всю злость на Патрикеева, и хотелось стряхнуть с себя это срамное ощущение жалкого провала. Слава не нашёл ничего умнее, кроме как рывкнуть на затаившегося Патрикеева.

— 2:1, сука.

Он не успел и глазом моргнуть, а Миша уже подлетел и шваркнул его спиной о стену, сорвавшись с места как пуля. Слава на пару секунд перестал дышать от такого удара, помотал головой, вытряхивая звон из ушей. Патрикеев распетушился, наступал, держа Славу за грудки обеими руками, даже как будто увеличился в своих тощих размерах. В такой близости смотрелось это весьма забавно, ибо Слава был выше почти на голову. Но он хорошо помнил, какой у Миши

хук правой.

— Бокс? — зачем-то спросил он, словно это сейчас было важным.

— Тайский, — ледяным голосом доложил Патрикеев, приближая своё лицо всё ближе и ближе к Славиному.

Эти бледные виноградные глаза просто гипнотизировали. Если бы Миша ещё не двигался, не наступал, Слава бы взял себя в руки. Но растерянность накрывала с каждым миллиметром, что чужие губы приближались к его губам. Сейчас было уже поздно выкрикивать всякие «Э, ты чё?!» — Патрикеев уже не раз давал понять собственно «чё». Слава малодушно согнул колени и начал стекать по стене вниз, продолжая пялиться в желто-зелёный омут. Он понимал, что никакой это не «2:1», а очередное разгромное поражение. В последней попытке отыграться хотя бы словесно, Слава вяло отбрехался:

— Отвали от меня, грёбаное секс-меньшинство.

— Слушай-ка ты, секс-большевик!.. — гаркнул тот в ответ, и Слава закрыл глаза, ожидая пинка под рёбра.

Он уже полностью съехал на пол, когда его лицо дёрнули за подбородок вверх. Патрикеев... наверное, поцеловал его. То есть, если бы мужчины вообще целовались друг с другом — то это был как раз тот самый мужской поцелуй. Да только в голове это как-то не складывалось. Вот Патрикеев, вот его губы на Славиных губах, вот он вставил в его рот свой язык, вот вынул. Засосал нижнюю губу, сжимая ладонью Славиного подбородок. Волков сидел на жопе, глядел вперёд не мигая, приоткрыв рот, словно кукла чревоушителя. Ему казалось, крикни он сейчас или затей потасовку, то поцелуй и всё то, что сейчас выделяет Миша, станет реальностью, произошедшим. Словно если не прерывать сего действия, то всё это само собой исчезнет, развеется...

Но не на шутку разошедшийся Патрикеев развеиваться и не думал. Жадно и настырно, сдвинув брови, он хватал руками и тыкался своей мордой, словно беспардонный пёс. Слава откинулся затылком на стену, рассматривал очумело то длинные ресницы, то родинку на мелькавшем подбородке. Всё было так близко, как в бинокле. Миша деловито оседлал его бёдра, уместился поудобнее, не заботясь о согласии второй стороны. Славе казалось, что он больше не он, что кто-то другой сейчас замер у стены его прихожей, слушая чужое дыхание и ритмичное тиканье часов над своей головой, пробуя на вкус чужие губы.

Но от Миши было хорошо. Просто хорошо и всё. То ли трогал он как-то правильно, то ли пах — почему-то приятное оцепенение не давало Славе в ужасе подорваться и броситься с балкона немедленно. Где у Славы был тот рубильник, которым отключились все его настройки, инстинкты, заложенные понятия и правила?.. От этой беспомощности он чувствовал себя наркоманом, добровольно подышающим от смертельной дозы убойной дряни. Миша шлёпнулся в него, как Архимед в ванну, и вытолкнул собой всё прошлое и настоящее. Будто у Славы в жизни теперь остался только Миша и эти тикающие часы над головой. Чужая рука ужом проскользила между ними вниз, аккуратно к Славиным яйцам, и он сам вздрогнул от своего неожиданного «Уйди, блядь!»

Патрикеев сжался весь, медленно отстранился от Славы, сощурился нехорошо.

— Это ты кому?

Славе иррационально захотелось притянуть того обратно к себе, даже чёртовых поцелуев этих захотелось снова. С каждым сантиметром между ними становилось как-то противно и холодно. Поднять глаза на Мишино лицо смелости не хватало. Эти припозднившиеся выпады “против” были глупыми, трусливыми. Обоим было понятно, что не просто так Слава сидел тут в обнимку с Патрикеевым, подставляя морду под поцелуи. Но он даже на водной горке не катался — всегда тормозил руками и ногами, очень уж пугала скорость. И в этот раз натура взяла своё.

Миша поднялся с его бёдер как танцор, прямо с места, легко выпрямив ноги. Слава отстранённо подумал, что спорт — вещь полезная. Он смотрел на Мишины колени, слушал, как тот одёргивает куртку. И вдруг — ладони на Славином лице. Последний поцелуй всегда самый нервный и тоскливый. Патрикеев явно корил себя за этот финальный жест, Слава остро почувствовал, что тот тоже себя слабо контролирует. Он оторвался от Славиных губ и прошепел «Глаза б мои тебя не видели», вышел в дверь. Впервые в жизни собственная квартира показалась Волкову самым холодным местом на свете.

===== Глава III =====

Казалось, ночь прошла за пять минут, но длилась она добрых полгода. Славу растянуло как на горизонте событий. Лежа на кровати и разглядывая потолочный багет, он блуждал мыслями. Мысли утыкались в одни и те же углы. Для начала Слава не мог даже определиться со своим суверенным отношением к голубым вообще и к голубому Патрикееву в частности. И есть ли разница между Патрикеевым и голубым Патрикеевым. Сначала ему казалось, что Миша-то парень неплохой, но эта его гомосятинка... Часам к пяти ему показалось, что и голубой Миша вполне недурён. Гонору конечно — ну уж какой уродился.

Но Миша Мишей, а что же с его поступками? Как можно жить себе нормальным и вдруг взять и завалиться с мужиком прямо в коридоре? Сидел ведь мышкой, глаза лупил, ресницы Мишины пересчитывал. Может, у него посттравматический синдром после того лагерного пересёра? Он же первый год только и жил ожиданием раскрытия и позора, хоть и не сделал ничего, но сама ситуация... Здесь Слава передёргивал плечами, вспоминая псевдопедофильные терзания. К восходу солнца маленький Патрикеев отделился от взрослого, и Славу осенило — то лето 91-го прошло навсегда. Они оба изменились. Теперь Миша его видимо хочет, но, наверное, ненавидит, и должно быть за что-то обижается, но это уже взрослый мужик, а не пионер в панамке.

Никаких решений он не принял, да и что здесь решать? Бегать за Патрикеевым или от него? Увольте, бога ради. Да и вообще: нет Патрикеева — нет проблемы. Что-то вот без этого рыжего террориста у Славы никаких эксцессов с мужиками не случалось — ни на пьянках, ни в банях, никогда. Значит, кто в этом виноват?..

Волков чуял, что все эти вялые игры с самим собой рано или поздно перестанут успокаивать и отвлекать. Но для осознания надо было созреть.

«Внешторгиздат» вернулся в «Технолог и я». Анисимов, похоже, напридумывал себе чего-то, косился на Славу с печальной благодарностью, сочувствуя каким-то мистическим Славиним «жертвам», на которые тот пошёл во имя их бизнеса. Слава пытался объяснить, что ничего такого он не делал, а Анисимов скорбно сводил брови и хлопал его по плечу. Молча. Идиот.

Первую неделю Слава обложился работой по самую макушку, и на мысли о всяких

Патрикеевых не было ни одного свободного нейрона. Состояние было какое-то затюкано-предпростудное. Глаза щипали и слипались, голова потяжелела на пару кило, а секретарь пробасила из-за монитора «вы не заразный?». А Слава остановился и задумался — а какой он? Машина мыкалась по гололёдным пробкам, Слава перебирал прилагательные к себе самому, а Милен Фармер подленько так взялась накручивать нерв по радио своим «Пардонэ муа». В сознание серпантинном построились картинки — худая фигура в дверном проёме, неровная улыбка чуть влево, сдвинутые брови над бликующими медью глазами. Впервые за это время Слава вдруг задумался — а что Патрикеев мыслит на всю эту тему? Почему то нападает, то убегает? Простой приём поставить себя на место оппонента не работал — уж больно Миша был чудной, всё у него навыворот. Но почему-то без него было херовато.

Ближе к концу месяца Слава понял, что живёт ожиданием. По всей теперь очевидной логике, так просто всё это закончиться не могло, Патрикеев должен был сделать какой-то ход. Слава бежал с работы домой как на свидание, а потом из тёмного окна долго следил за пустой скамейкой. Пару раз закинул удочку Анисимову, но тот ничего про Мишу не знал. Или решил проявить кретинскую солидарность и не говорить о Славином «обидчике». На сайте Мишиной конторы никаких его контактов Слава не нашёл, хотя может оно и к лучшему — не удержался бы, взялся бы строчить нелепые email-ы или смс-ки.

Народ готовился к неожиданно прижившемуся в православной России Хеллоуну, а Славе было совсем не до праздников. Наверное, если бы дело касалось девушки, он решил бы что влюбился. По крайней мере признаки были один к одному: необъяснимо хотелось увидеть Патрикеева или хотя бы связаться, узнать о нём хоть что-нибудь. Смешно было говорить о человеке, которого встретил-то пару раз в сознательной жизни, что тебе его не хватает — но Патрикеева не хватало и днём, и ночью. Про ночи — отдельная тема. Через ужас и две бутылки пива была просмотрена гомопорнография. Сначала Слава решил, что жить теперь незачем, но ночью подсознание сказало «вай нот?». Почти во всех снах после того небесного “Хочу всё знать”, Слава ебался как не в себя. В конце концов секс с Патрикеевым стал какой-то навязчивой фантазией. Он даже отчасти смог понять тех придурков, что приковывают партнёров дома к кровати, дабы не удрали. Мысль о том, что тонкий вздорный Патрикеев будет валяться по его коврам и одеялам, каждый раз доводила до эрекции. Привет, пубертат!

Месяц! Месяц тишины и тягучего ожидания, чтобы вот так за пять минут узнать, одеться и помчаться. Анисимов потащил Славу на посиделки в пивную нажраться на Хеллоун. За столом восседала согнанная толпа разодетых во всякую чертовщину дамочек. Слава так и не понял, кого конкретно окучивал котоватый Анисимов, да и плевать. Пить не хотелось категорически, разговоры не клеились, девушки разочарованно отодвигались от угрюмого Славы, и вдруг одна из «ведьмочек» выдала:

— А наш младший Патрикеев Гарри Поттером вырядился сегодня! Ой, я на вас что-то вылила?

Девушка испуганно глядела на вытянувшуюся Славиному морду, обдумывая, чем она могла его так впечатлить. Тот наконец отмер, покосился на Анисимова на другом конце стола и выдавил светскую улыбку.

— А вы значит секретарём у Патрикеевых? Ах, какие чудесные кадры прибрали конкуренты, губа не дура.

Дурёха себялюбиво поправила волосы, развернулась к Славе всем корпусом, приготовилась к дальнейшему дождю комплиментов. Тот автоматически изобразил все донжуанские ужимки,

посверкал глазами и интимно уточнил:

— Так что там ваш Поттер? По офису носится в мантии?

И дамочка за здорово живёшь сдала начальника с потрохами:

— Нет, ему в офис костюм привезли, и он мерил, чтоб размер подошёл. А потом поехал с друзьями в «Три обезьяны» на Площадь Ильича. Ну такой, тематический.

И она многозначительно посмотрела исподлобья. Рассчитывала, видимо, загадочно, а получилось как-то по-коровьи. Слава улыбался как Гуинплен, нащупывая в кармане бумажник и соображая, где быстрее поймать машину. Анисимов сощурился, бровями посылая Славе сигналы «даже не думай», но тот уже поднялся из-за стола.

Теперь Слава знал смысл загадочного слова «тематический». Сидя в нише с диванчиками, он хмуро пялился на озабоченных мужиков, разодетых в пух-перо, приглядывающихся друг к другу как гаишники к водителям - чего бы поймать. В пёстром искрящемся камуфляже было не разглядеть толком ни возраст, ни даже, в ряде случаев, пол. Слава водил глазами по толпе лоснящихся мускулов, обтянутых задниц, дерзких ирокезов и раздумывал об иронии. Вот тебе и чисто мужская компания. Бабы здесь вертелись бы как лиса у винограда. Сквозь агрессивный бит стала прорываться марсианская мелодия. Его величество Seal вырисовывал своего «Crazy», поразившего Славу в самое сердце в том самом 91-ом году. Он вскочил, вцепился глазами в реддеющую толпу на танцполе. В центре зала худая фигура в чёрном раскачивалась в такт. «Кстати, о лисе и о винограде» — подумал Слава, подавшись вперёд.

Он действительно был в мантии. Волосы похожи на взерошенный лисий хвост, на носу круглые очки. Патрикеев не выкаблучивался, не делал блядских па. Он водил плечами из стороны в сторону, словно его качало волной. Он дёргал носком ботинка в такт, чуть покачивая головой вверх-вниз. Иногда ребята так пританцовывали в транспорте в наушниках — ничего особенного. Но от него невозможно было оторвать глаз. Растворившись в слухе, он то водил руками впереди себя, то откидывал голову назад, словно разглядывая что-то в крутящемся диско-шаре на потолке.

Какой-то «Зорро», примерно Славиного возраста и комплекции, катил свои бубенцы к Патрикееву аж от самого бара, он его сразу заприметил. Подплясал вполне музыкально, пытаясь вписаться в Мишину композицию. На очередном движении они столкнулись руками и Патрикеев открыл глаза. Нет! Этот взгляд был только его «Сла-ава-а» взглядом! Ни на кого больше Патрикеев не имеет права так смотреть! Слава резко отпихнул чью-то лапу от своей задницы и шагнул на танцпол. Он резал пространство целеустремлённой акулой, практически клацая зубами. Вот выяснят они какого лешего между ними происходит - тогда и будет отжигать фламенки с Зоррами. Слава аккуратно, но настойчиво, отодвинул героя в маске, ловя Мишин взгляд. А тот вдруг остановился, нескладным движением стащил бесполезные очки, уставился на Славу как на смерть с бензопилой. Показалось, вот-вот даст стрекача, и Слава инстинктивно поднял обе руки, показывая какой он безопасный и доброжелательный технолог. Они стояли, как два суслика посередь танцпола, пока революционная некогда Unfinished Sympathy набирала громкость. Вокруг них задвигались десятки тел, разноцветные пятна света шарили по всему залу. Слава смотрел в заострившееся лицо с бордовым шрамом-молнией на лбу. Казалось, их крутит в лодке, или скорее весь мир крутится вокруг них в блестящем калейдоскопе. Слава впервые открыто, не стесняясь разглядывал Мишино лицо, стоя совсем близко. Он хмыкнул на вздыбленную чёлку, приподнял бровь на маленький гвоздик в ухе,

облизался на твёрдо сжатые губы. Как легко сейчас Слава отбросил все свои понятия и представления в сторону. Все свои «положено» и «принято». Сейчас Патрикеев светился для Славы словно кольцо всевластия — протяни ладонь и присваивай. Он поднял руку, медленно провёл пальцами по Мишиной скуле. Никогда так не делал, вообще ненавидел все эти театральные жесты в стиле «Грязных танцев», но сейчас это казалось абсолютно уместным и даже необходимым. Патрикеев скосил глаза на пальцы, чуть отклонил голову как кот, которого пытается погладить незнакомец. Слава отдернул руку, сконфуженно заозирался. Рыжий «волшебник» сунул руки в карманы чёрных брюк, нагляя мордой.

— Ты сказать чего пришёл, дядя? — надменно спросил «мальчик который выжил». — Так я слушаю.

Волков сузил глаза, разом повёлся на провокацию.

— Может, съездить куда-нибудь? — тут же спросил в обратку.

Патрикеев победно задрал треугольный подбородок, заломил бровь.

— Куда, например?

— В ебальник, — предложил Слава первое, что пришло в голову.

Патрикеев ахнул и тут же стал похож на куницу — глазки бусинки, морда хищная, даже показалось уши встали торчком. Слава подумал «только не слева», и получил тычок справа. Ну почти как заказывал...

В двигающейся толпе никто не разглядывал, что там мужики делают руками. Слава в такт увернулся от следующего удара, крутанулся на месте, уходя от острого локтя. Он пытался поймать Мишу за руки, прижать их к его доходяжному туловищу, но тот щеперился своими лапами, как кенгуру. Задравшись огребать, Слава со злости закулил дебошира в его же мантию и заржал. Тот выглядел как распахивавшаяся летучая мышь, запутавшаяся в собственных крыльях. Патрикеев пылал взглядом пару секунд, а потом вдруг его губы поползли скобками вниз и глаза заблестели.

— Сколько можно уже?!

Слава тут же отдернул руки, отступил насколько позволяла толпа. Он что, плачет, что ли?

— Миш, ты чего?

Клуб, музыка, люди рядом моментом пропали, Слава видел только расстроенного, поникшего Патрикеева, нервно одёргивающего мантию, пытающегося прорваться сквозь танцующих прочь. Слава держал его в фокусе, лавируя между дракулами и зомби. Патрикеев уже нёсся к выходу, развеивая мантией как Дарт Вейдер.

Первое ноября поприветствовало вылетевшего из клуба Славу плюсом и дождём. Под холодными каплями тут же потяжелела тонкая кожаная куртка. Патрикеев завернул за угол, полоща чёрным хвостиком. Слава кинулся следом.

Миша стоял, привалившись спиной к кирпичной стене, переводил дух. Проулок был совсем глухим, дождь барабанил по закрытым мусорным контейнерам. Похоже, он не ожидал, что

Слава его догонит. Выпрямился, развернулся к преследователю лицом, набычился. Слава всплеснул руками.

— Ну чего ты? Я же к тебе приехал...

Патрикеев убрал с лица намокшую чёлку, как-то по-детски потёр глаза, и выкрикнул:

— Чтоб ты провалился!

Да что за хронический остракизм такой. Хоть с транквилизатором за ним ходи!

— Ну что я тебе сделал-то?

Судя по тому, как Патрикеев приосанился — готовился к зачтению списка Славиных грехов. Мысленно перекрестившись, Слава смирился с тем, что куртка с ботинками на выброс — мракоборец настроился надолго.

— Ты помнишь, что ты мне в лагере устроил? — огорошил Славу подмокший прокурор.

— Я?!. Тебе?!.

В отвалившуюся в ахуе челюсть начала заливаться дождевая вода. Слава разыграл пантомиму «шеф, всё пропало», схватился за голову, затем затряс руками перед собой — всё в полном молчании.

— А кто за мной бегал-то по всему лагерю? Владимир Ильич?

И пока Слава тыкал в себя пальцем, уточняя, Патрикеев агрессивно продолжил:

— Я ж думал, я любовь свою нашёл! Ходил за мной как привязанный, с маргаритками своими, красками, стенгазетами. Смотрел на меня как в романах, смущался, заикался. Да я порхал! Как вспомню... Даже два стиха написал, аж стыдно. Ты зачем всё это делал со мной, а? Чтобы потом, когда я к тебе пришёл, оттолкнуть как жабу? Собрать манатки и бросить там щенком ненужным? Да у меня же весь мир перевернулся тогда! Я себе перестал верить, всё вспоминал, перебирал, что же понял не так, где ошибся. На людей волком смотрел, даже когда они ко мне откровенно клеились — не верил. Думал, вдруг опять я себе нафантазировал...

Слава зажал рот ладонью, вспоминая. Так вот как он это видел. Всю его заботу, внимание он принял за... влюблённость? И финал полностью выбил его из себя, заставив сомневаться во всех вокруг?

— Но я даже представить себе не мог, что ты так это видишь!

— А как мне это было видеть? Ходил вокруг меня кругами, а потом взял и... Ты бросил меня там!

Последнее «бросил» Миша прокричал так отчаянно, будто Слава вот только вчера его бросил, а он до сих пор летит.

— Да ты послушай себя-то! — наконец Волков скинул оцепенение от всей этой психоебли и заорал, перекрикивая барабнящие по алюминиевым трубам капли. — Ты представь себя — вот сейчас — с ребёнком в кровати! Ну давай, давай! Ты — взрослый мужик, а у тебя в кровати ребёнок! Представил? Да ты чуть под статью меня не подвёл со стихами своими! Я приглядывал

за тобой, потому что волновался. Ты же вообще был ку-ку... — и Слава некультурно покрутил пальцем у виска. — Неужели бы ты воспользовался подростком, за которого несёшь ответственность? Ты мозги-то включи!

Миша отпрянул, словно хотел рассмотреть Славу издалека, как слона целиком. Сдвинул брови недоверчиво, зашевелил губами, проговаривая для себя что-то. Слава тяжело дышал, глядя на стекающий по лбу тёмными каплями шрам в свете оранжевого фонаря. Патрикеев замотал головой, словно нашёл пробел в логике и вот сейчас его предъявит.

— А тогда, в «Пекине»? Зачем ты меня так? Отомстить за лагерь?..

— Да у тебя паранойя, что ли? Я знать не знал, что там будешь ты. Я пришёл надрать задницу гондону, который у меня клиентов увёл.

Патрикеев был не готов расставаться с обвиняющим тоном. Он выискивал, чем бы прижать уверовавшего в свою правду Славу. Нарывался, в общем.

— А в пиццерии кто начал херню гнать про то, что вы с папой меня лечить собираетесь?

— Да какие «мы с папой»? — воззвал к небесам Слава, прося сил. — Я тебе и без папы скажу, что эти твои «самострелы» в людных местах — это не от большого здоровья!

Даже при минимальном освещении было видно, как покраснел Миша. Он опустил голову, словно выставив рога. Слава вдруг понял, что в такой обиде и ярости тот не станет больше вести осмысленный диалог. Так оно и случилось.

Патрикеев кинулся из проулка, отталкивая Славу с пути. Тот развернулся, попытался схватить бегуна, но в руках осталась одна тяжёлая мокрая мантия. Почему-то Славе было очень важно поймать его, не дать убежать, но он замешкался на секунду, не зная куда деть треклятую мантию. И в этот момент Миша сдавленно вскрикнул и свалился на землю, как подстреленный. Слава кинулся к нему, попытался скорее поднять, запричитал.

— Ты чего свалился, а? А ну, давай, подымайся.

Миша скривился, сжал челюсти, замычал, потянулся к левой ноге.

— Да ладно... — не поверил Слава. — Ты серьёзно? У тебя что, опять судорога?

Патрикеев оттолкнул его больше для виду, чем всерьёз. Заныл жалобно.

— Сла-ава-а...

И Волков включился, как старый робот. Он вздёрнул Патрикеева с асфальта, перекинул его руку себе через шею сзади и быстро поволол к проезжей части. Куривший рядом с машиной бомбила шустро распахнул заднюю дверцу старой иномарки. Слава запихнул инвалида на сиденье, сел рядом и назвал свой адрес. Гадёныш пытался шипеть змеёй что-то про «ноги моей у тебя не будет». На это Слава заявил, что та нога временно недееспособна, потому что отдельным змееустам охота была под дождём мёрзнуть. Несмотря на профуканный, как выяснилось, где-то в клубе сотовый, Миша самонадеянно угрожал позвонить и кого-то ниспослать, продолжая стенать. Решив перейти к конструктиву, Слава схватил нос его пижонского ботинка и аккуратно потянул «на себя». Вояка ожидаемо заткнулся, выпучил

глаза, несколько раз врезал кулаком Славе в плечо весьма ощутимо. Водитель напряжённо прислушивался к возне за спиной, по-деловому предложил вояж до травмпункта. Слава закинул себе на колено недужную ногу, взялся упоённо месить как пекарь тесто. Несмотря на выёбывающуюся немощь рядом, на Славу накатило умиротворение. Дождь шмалял по лобовому стеклу, в салоне пахло почему-то сладким кофе. Он смотрел на расплывающиеся кляксы дорожных фонарей, поглаживая ногу в промокшей насквозь брючине. Патрикеев хлюпал носом, водитель рулил уже по Академика Миллионщикова, а Слава готовился пресечь любую акцию неповиновения на корню. Когда машина затормозила рядом с родным седьмым домом, он одной рукой выпихал Патрикеева на улицу, а второй сунул водиле деньги.

В подъездных дверях Миша возвестил, что вызовет водителя с домашнего телефона, только ему надо переодеться в сухое. Слава послушно кивал, настойчиво подталкивая гостя к лифтам. В квартире тот совсем притих, стянул ботинки и сразу устремился в ванную. Слава громко «вызвал» такси в выключенную трубку, прохаживаясь мимо плотно закрытой двери, за которой, как он был уверен, подслушивал Патрикеев. Когда зашумел душ, Слава пританцовывая пошёл рыться в шкафу. Нашёл черную майку со свободным растянутым воротом и спортивные штаны. Натянув на себя домашние портки и футболку, он подкрался к ванной, заглянул внутрь. Струи били по дымчатой занавеске, неясная фигура за ней крутилась и фыркала. Слава потянул вон из комнаты мокрый ком одежды, сваленный на полу, улыбаясь от уха до уха. Бросил на стиралку большое махровое полотенце. Шкодливым потёр руки, предвкушая как Патрикеев будет возбуждаться, когда поймёт, что остался без одежды. Стоя за дверью, слушал как выключился душ, отдернулась занавеска, и сразу крик:

— Ты дурак совсем?

Слава проржался в кулак и, нагнав серьёза в голос, пробасил:

— Несу одежду тебе, — и аккуратно приоткрыл дверь.

Патрикеев уже стоял мокрыми ногами на коврике голый и блестящий, спиной к двери, тёр волосы полотенцем. Пар потянулся прочь из ванной, у Славы словно прояснилось в глазах и вдруг похолодело в желудке. Слишком много голого Патрикеева, вот что. Слава тихо отступил в коридор, стараясь быстро закрыть дверь, но Миша оглянулся, видимо почувствовав холод. Кинуться наутёк сейчас было бы совсем уж позорно, и Слава просто замер. А бесстыжий Патрикеев развернулся к нему и сделал пару шагов, спокойно забрал из его рук сухую одежду. Слава продолжал стоять столбом, стараясь не опускаться взглядом ниже Мишиного подбородка.

— Да? — услышал он практически в ухо. Тёплый Патрикеев подался вперёд и шептал ему куда-то в висок. — Опять в кусты, как до дела доходит?

Слава понял, что тот прав, что видит его панику и трусость. Наглые виноградины глядели прямо в самую Славину сердцевину, не таясь. И тут подумалось: а был ли Миша так уж против этих спонтанных гостей, оголений этих с незапертой дверью. Или он использовал древнюю, но примитивную схему «пока кошка сидит — собака вялая»? А не разыграл ли этот рыжий кот безмозглого кабыздоха? Патрикеев отступил немного, развернулся спиной к Славе, будто потерял к нему интерес, и стал с особой тщательностью вытирать руки и грудь. А вот спиной — это он зря.

Слава никогда не догадывался как сладко вцепиться зубами в жёсткую холку — он никого не

грыз до этой ночи. Тёплая влажная кожа во рту - хотелось даже немного порычать от удовольствия. Руками он уже обхватил Патрикеева за грудь, завозил ладонями по животу. Встало моментом, и Слава беспардонно потёрся хером о голую задницу сквозь штаны. Миша развернулся к нему лицом, обнял за шею, подтянулся и сразу засосал без всяких реверансов. Тело переключилось в тактильный режим, Славе не хватало рук и губ, чтобы охватить сразу всё, что хотелось. Он будто пил Патрикеева большими глотками, бездумно, эгоистично. С другой стороны искрило такое же желание, горячий член упирался в бедро. Никаких дискуссий, никаких игр — только брать и давать брать другому. Шея ныла от болезненных укусов, губа слева пульсировала горячим, от чужой щетины чесался подбородок.

Ничего кайфовой в своей жизни Слава не испытывал. Было даже всё равно — секс, не секс — главное, что рядом, что близко. Член лёг в чужую ладонь, напрягся до боли, когда его задёрнули остервенело. Слава стонал позорно, по-животному и не собирался затыкаться. Он схватился за косяк, чтобы не свалиться — ноги не слушались. Он ритмично подавался бёдрами вперёд, а язык запихнул так глубоко Патрикееву в рот, что тот закашлялся. Рука исчезла, когда до финала оставалось пара секунд. Слава навёл резкость, пытаюсь поймать уворачивающееся тело и вернуть туда, где было так хорошо. Патрикеев, оказывается, снова повернулся к нему спиной и немного наклонился, упираясь прямыми руками в бортик ванны. Слава осознал смысл фразы «хотеть до ужаса» — он и хотел и ужасался. Положил руки на Мишины бёдра, подтянул к себе и замер.

— Я... Я не знаю... А как?..

Патрикеев оглянулся через плечо, пару секунд пялился, видимо оценивая перспективы и вдруг резко крутанулся. Тут же уселся на бортик, а Славу дёрнул за руку вниз. Тот по инерции согнулся, и его голову тут же притянули к стоящему стоймя члену.

— Ну давай же, Слава-а-а... — просипел Патрикеев, и Слава дал.

Не примеряясь, не устраиваясь поудобнее, он просто бухнулся на колени, открыл рот и заглотил. Солоно, скользко, твёрдо. Он двигал головой, наверное бестолково, нескладно, слушая душераздирающие постанывания в такт своим движениям. Он сжал свой член, чтобы челюсти не свело от напряжения. В виске билась вена, пульс отдавал куда-то в затылок. Патрикеев взвыл кончая, грубо оттолкнул Славино лицо ладонью, но капли успели попасть на нижнюю губу, на шею. Слава поднялся с колен, навис над Мишей, задёргал рукой по своему члену, глядя на широко открывающийся рот. Миша вытянул язык, касаясь шершавым уздечки, смотрел пьяно, расслабленно. Струи полетели точно на язык, выбеляя красное. Слава схватился одной рукой за перекладину для занавески, чтоб не грохнуться на пол. Патрикеев сомкнул губы вокруг члена, растягивая кайф. Славино тело просто коротило от этого рта. Миша поднял на него глаза, оглядел позу, и облизнувшись, выдал:

— Ты как пассажир-маньяк в метро.

Слава заржал и перекинул ногу через бортик в ванну, включая душ.

===== Эпилог =====

Позже Патрикеев назовёт их первую ночь «смерть пидарасам». Они уронили торшер, сломав деревянную ножку, диван заело и он не раскладывался. Нормальной смазки не было, а от

лосьона для тела Миша начал чесаться, как макака. Слава тут же проклял себя за бестолковость и хотел уже бежать к бабе Рае за супрастином, но был остановлен строгим окриком и приказом «вернуться в койку». Кончая как подростки от возни под одеялом, так и не дойдя до ортодоксального секса, они решили подремать «полчасика» и проснулись глубоко за полдень.

Перед тем как уснуть, Миша выслушал пару сомнительных комплиментов насчёт своей «наглой рыжей морды», и оправдал собственную лучезарность «пионером – всем ребятам примером». А Слава вдруг подумал, что может тем летом у бестолкового Лукича всё и кончилось, а у них с Патрикеевым всё только началось. Он навалился на притихшего «пионера», и прошептал в тёплое ухо знаменитый девиз:

— Будь...

На окончание призыва Славу не хватило. Он улетал к чему-то солнечному и родному, когда его догнало тихое:

— Всегда...